

Глава 35: Юность Я забрался на кровать, улегшись рядом с ним. Взгляд мой упал на Тхэ Сон Чже, но он лишь смотрел на меня, не делая никаких особых жестов. Ни страстных взглядов, ни двусмысленных слов. В моих глазах он был просто очень крутым парнем, от которого сердце замирало, или очень заботливой старшей сестрой, или... просто хорошим другом. Кроме него, я никого не видел. Его присутствие ощущалось даже в неподвижности, и я неловко пошевелил пальцами ног, прежде чем заговорить. — Разве ты не собираешься... сделать это? — Что? — бросил он. Я поднял на него глаза, но ничего не ответил. Тхэ Сон Чже одарил меня озорной улыбкой, склонив голову в мою сторону. — А ты хочешь? — Не совсем... В конце концов, ты же пришел сюда с определенной целью. — Тхэ Сон Чже лишь рассмеялся. И я не стал возражать... Мне казалось, что я не против, если он захочет. Смехотворная, самодовольная и лживая мысль, но, словно насмехаясь надо мной, он погладил меня по волосам, а затем убрал руку. Я смущенно моргнул, когда понял, что его не заинтересовало тело Со Сын Вона. Он лишь наблюдал за мной с невозмутимым лицом. В тот момент, когда я начал волноваться и нервничать, Тхэ Сон Чже слегка улыбнулся и произнес: — Я просто пришел поддержать тебя. Весенний ветерок, проникая через полуоткрытую веранду, трепал его волосы и мое сердце. Я вздохнул и опустил взгляд. Не может быть. Не может быть. Я не мог поверить, что он проделал весь путь к морю ради меня. Ведь Тхэ Сон Чже всегда что-то скрывает. — Дыши. — ... — Почему ты не дышишь? Ты иногда так делаешь. Не делай так. Он рассмеялся и погладил меня по щеке. Я почувствовал слабый запах кожи от руки Тхэ Сон Чже. — Смотри, у тебя все лицо покраснело. Его грубые, твердые руки были совсем не мягкими, но они были большими и надежными, так что мне хотелось зарыться в них лицом. Я хотел прижаться к нему и уснуть в его объятиях. Тепло и нежность в его глазах, казалось, растаяли до такой степени, что даже воздух стал теплым, но я, похоже, был единственным, кто это заметил. Такое ощущение, что только я это осознаю. Я немного смутился и натянул одеяло до кончика носа. Интересно, когда это станет обыденностью? Мое сердце колотилось. Если мое сердце колотится оттого, что Со Сын Вон влюблен в него, то чье сердце колотится оттого, что я хочу, чтобы эта ночь прошла медленно? Неужели это тоже не мое? Мне показалось, что я снова сплю, когда я не услышал слабый шум волн. Как обычно, я сидел на заднем плане и наблюдал за нами с младшей сестрой. Мы обе выглядели как школьницы. А может быть, на учеников начальной школы. Потому что в это время года мы выросли быстрее, чем наше внутреннее "я". — Выпрями спину, — сказала младшая я, решая задачу, не поднимая глаз. Моя младшая сестра тоже не смотрела на меня и произнесла: — Почему? Мамы здесь нет. — Ты сразу же попался, когда она неожиданно вошла раньше. На мгновение мне показалось, что я знаю, что собирается сказать юный я, и я посмотрел на младшую сестру, не понимая этого. — А ты думаешь, это красиво, когда у девушки сгорбленная спина? — Серьезно. Ты тоже собираешься говорить такие вещи? — Моя младшая сестра раздражалась, читая комикс, обложка которого была заменена на рабочую тетрадь. Я не мог видеть этого, когда был маленьким, но я мог сказать, что она была потрясена. Моей младшей сестре это было ужасно неприятно. Испытывая жалость, я сел рядом с младшей сестрой и похлопал ее по плечу. Хотя я касался только воздуха, моя рука прошла сквозь тело младшей сестры. В тот момент я был раздражен, потому что казалось, что винят только меня, поэтому я сказал ей сидеть прямо, на случай, если на нее будут кричать. Мы долго боролись, шепча друг другу, чтобы звук не был слышен даже в гостиной, где находилась наша мама. Когда моя младшая расстроилась, я несколько раз пробормотал, чтобы она заткнулась. — Не будь такой чувствительной. Я посмотрел на свою младшую сестру, закрывая лицо обеими руками. Лицо моей младшей сестры казалось искаженным. Ах, она злится. — Неужели все, что я говорю, так чувствительно? — Ее голос был ужасающе спокойным и достаточно резким для ребенка. На мгновение я задумался, не в этот ли раз моя младшая сестра первой попросила меня уйти из дома. Первый побег был, когда она была в начальной школе, а я - в средней, но я не был уверен. Я тупо смотрел в лицо младшей сестры, но она сверкнула на меня глазами. — Эй. Если ты так себя ведешь, чем ты отличаешься от мамы или папы? — В голосе ребенка, который все время называл его Оппа, появились шипы. Я

не могу не чувствовать себя уязвленным. Мне не было жалко того юного меня, который замер от слов младшей сестры. Я понял, что в детстве был очень эмоциональный. Как ни посмотри, это была моя вина, но я был скорее в шоке, чем в раздумьях. Когда я был ребенком, я не знал, какие привилегии у меня есть. Я даже не знал, что она существует. Конечно, тот факт, что я не знаю, сам по себе может быть привилегией. У меня были хорошие отношения с бабушкой и дедушкой, которые не ладили с моим отцом. Они тайно навещали меня, давали мне карманные деньги и говорили, что я им дорог. Я любил их. Поэтому я надеялся, что моя младшая сестра сблизится с нашими бабушкой и дедушкой. Однако они с улыбкой отказались, когда я сказал, что в следующий раз приведу младшую сестру. Позже я узнал, что это было потому, что моя сестра была девочкой, и не было никакой причины видеть ее. Это было абсурдно и даже незначительно, так что если бы моя младшая сестра услышала это, она бы рассмеялась вслух, сказав, какие они старомодные и высокомерные. Но я ей этого не сказал. Я был большим ребенком, который наблюдал и слушал поведение и слова своих родителей, и я пытался вырасти и не повторять их ошибок. Я не хотел говорить ничего такого, что могло бы раздражать мою младшую сестру. Фон был перевернут с ног на голову. Это была классная комната. Обычно течение сна внезапно меняется, поэтому я не запаниковала. Вместо этого я быстро влился в обстановку и спокойно осмотрел свое окружение. Ветерок раздувал шторы, и сквозь них пробивался солнечный свет. Моей младшей сестры нигде не было видно, словно ее унесло летним ветром, но это не имело никакого значения. Раздался хрустящий звук механического карандаша. Я не был уверен, занимаюсь ли я учебой или делаю домашнее задание. Когда я увидел молодого меня, сидящего у окна, я подумал, что я второклассник в средней школе. В то время мне было восемнадцать, и это был тяжелый период в моей жизни. В юности я был вспыльчив, часто ссорился с друзьями и относился к младшей сестре с холодной отчужденностью. Однажды, на детской площадке, где играли в футбол, мой приятель, заметив мою вспышку гнева, мягко, но твердо сказал:— Знаешь, он ведь не такой уж злобный. Да, вы поссорились, но разве вы не говорили, что останетесь друзьями? Он не станет против тебя, пока ты не скажешь что-то подобное, так что извинись как следует. Я, как заведенный, отложил ручку, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.— Я уже извинился, — буркнул я.— Нет, проблема не в извинениях, — возразил друг. — Дело не в том, извиняться или нет. Ну и ну, какой же ты невежда! Как ты собираешься выжить в этом мире, если ты такой забывчивый? Я нахмурился, а мой друг, высунув язык, улыбнулся и продолжил:— Вместо того, чтобы извиняться, подумай, что его на самом деле разозлило. Не срывайся по пустякам, ты ведь постоянно так делаешь.— Что я сделал? — спросил я, сбитый с толку.— Делал предположения и выдумывал несуществующие проблемы. Честно говоря, разве это не твоя вина, что он еще больше разозлился? Друг снова улыбнулся, как человек, который был мне очень дорог. Благодаря ему, я, словно выйдя из кокона, оставил позади свои подростковые закидоны. Он был действительно хорошим парнем и верным другом. Не только этот друг, но и многие другие замечательные люди окружали меня. Они были шумными, болтливыми, но невероятно веселыми, делая старшую школу по-настоящему приятным местом. Однажды утром меня разбудил шум волн. Я проснулся рано, солнце уже поднималось над горизонтом, заливая все своим мягким светом. Мое зрение было размытым, глаза наполнились слезами. Я плакал, как ребенок, не понимая причины своей печали. Слезы капали на подушку, оставляя мокрые следы. Это была ностальгия, тоска по детству, по смутным воспоминаниям, которые цеплялись за меня, как за чашку с любимым напитком, не имея ни имени, ни лица. В голове остались лишь обрывки эмоций, как следы на песке, смытые волнами, разрушившими мой песочный замок. В оцепенении я почувствовал, что понимаю причину своего пробуждения. Это был голос. Я услышал четкий, резкий голос человека на другом конце телефонного разговора Тхэ Сон Чже. Голос звучал сердито, но, скорее всего, это была просто его естественная манера говорить.— Ты сумасшедший ублюдок! Что за чушь ты несешь! Разве ты не вернешься в ближайшее время? Я знаю, что Ки Чжэ Хён Ним ждет тебя!— Не надо так реагировать. Ты же знаешь, что он не так уж и важен, — усмехнулся Тхэ Сон Чже. — Ваа, я так расстроен, я так

расстроен!Собеседник, похоже, переживал за Тхэ Сон Чже, стуча кулаком по груди. Он был его другом, без сомнения.— Кто его боится? Меня беспокоят те, кто собирается разорвать тебя на части. Будешь продолжать делать то, что выставляет тебя в плохом свете? Ты уйдешь отсюда в мгновение ока, — сказал он.— Если бы это было так просто, я бы уже давно умер, — Тхэ Сон Чже, который до этого ругался, вдруг смягчил голос, словно хвалясь.

<http://bllate.org/book/12475/1110861>